

УДК 339.5

Таранов П. М.

Taranov P. M.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

STATE REGULATION OF AGRICULTURAL MARKETS IN THE CONDITIONS OF THE GEO-ECONOMIC TENSIONS

Развивающийся глобальный экономический кризис и рост геополитического напряжения оказывают существенное влияние на аграрную политику большинства стран мира. Автор анализирует тенденции развития торгово-экономической и аграрной политики в различных странах мира в период с 2008 г. по 2015 г. на основе данных Центра исследований экономической политики (Лондон) с целью определить особенности экономической политики правительств в агропродовольственной сфере.

В условиях кризиса аграрный протекционизм остается приоритетным направлением экономической политики правительств. Ограничительные меры в отношении агропродовольственных рынков в среднем принимались почти в два раза чаще, чем в отношении других секторов. Табак и животноводческая продукция стали наиболее последовательно защищаемыми сегментами мирового рынка.

Ключевые слова: сельское хозяйство, протекционизм, аграрная политика, агропродовольственный рынок, международная торговля, импортозамещение

Developing global economic crisis and rising geopolitical tensions have a significant impact on the agricultural policy of most countries of the world. The author analyzes the development trend of the trade, economic and agricultural policies in various countries around the world between 2008 and 2015, based on the information of the Center for Economic Policy Research (London) in order to determine the characteristics of the economic policies of governments in the agro-food sector.

In a crisis, agricultural protectionism remains a priority of government economic policies. Restrictive measures in relation to agricultural markets on average are taken almost two times higher than in other sectors. Tobacco and animal products have become the most consistently protected segments of the global market.

Key words: agriculture, protection, agricultural policy, agricultural and food market, international trade, import substitution.

Таранов Павел Михайлович –

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

г. Ростов на Дону

Тел.: (86359) 43-8-96

E-mail: taranov@inbox.ru

Taranov Pavel Mihailovich –

Ph.D in Economics, Docent of Department world economy and international economic relations

Don State Technical University

Rostov-on-don

Tel.: (86359) 43-8-96

E-mail: taranov@inbox.ru

Развивающийся глобальный экономический кризис оказывает существенное влияние на аграрную политику большинства стран мира на протяжении ряда лет. Высокая интенсивность введения ограничительных мер вызвали обеспокоенность национальных правительств, международных организаций и мирового бизнеса. Решение возникающих в национальном агропромышленном комплексе проблем ученые и практики видят, прежде всего, в поиске внутренних резервов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако, учитывая развивающиеся процессы глобальной интеграции, международная торговля приобретает все большее значение для обоснования действий государства и хозяйствующих субъектов в сельскохозяйственном производстве и связанных с ним секторах экономики. В связи с этим, проблема анализа влияния торгово-экономической политики на развитие агропродовольственной сферы получила отражение в отечественной и зарубежной экономической периодике [9, 10].

Обострение геополитических и геоэкономических противоречий в различных регионах мира также оказали значительное воздействие на формирование международной торгово-экономической политики. Отечественная аграрная политика не стала исключением: уже в первые месяцы кризиса российское правительство предприняло множество мер по защите внутреннего рынка от негативных последствий глобального кризиса. Активная экономическая политика России не осталась незамеченной: в 2010 г. на встрече стран G-20 нашу страну обвинили в самой масштабной протекционистской активности за двухлетний период глобального экономического кризиса [11].

Однако протекционистские меры были приняты практически всеми странами мира, поэтому обоснованность таких обвинений является дискуссионной темой и требует сравнительного анализа аграрной политики государств на достаточно длительном временном интервале [12, 13].

В работе представлен анализ тенденций развития торгово-экономической и аграрной по-

литики в различных странах мира в период с 2008 г. по 2015 г. на основе данных проекта GlobalTradeAlert Центра исследований экономической политики (CERP). Целью работы является, определить особенности экономической политики стран в агропродовольственной сфере на основе сравнительного межстранового анализа.

В 2008-2009 годах международное сообщество посчитало, что введение антикризисных программ во многих странах может обернуться новым витком протекционизма и будет угрожать мировому экономическому развитию. Наряду с существующими авторитетными международными организациями – ВТО, ОЭСР, ЮНКТАД – стали возникать новые аналитические группы и институты. Так, Центр исследований экономической политики (Лондон) инициировал актуальный проект GlobalTradeAlert.

В рамках проекта GlobalTradeAlert отслеживаются все изменения в экономической политике государств, которые могут ограничить международную торговлю и нанести ущерб экономическим интересам зарубежных экономик. Подход исследователей предполагает оценку каждой меры государственного регулирования с точки зрения ее характера и степени влияния на зарубежные экономики, в результате чего мере присваивается определенный цветовой статус – красный, желтый или зеленый.

Количество протекционистских мер принятых и вступивших в силу с 2008 г. по 2015 г. свидетельствует, что лидерами протекционизма являются ЕС27, Индия, Россия, США, Аргентина, Бразилия, Белоруссия, Германия, Индонезия и Китай. Отметим, что из 20 крупнейших протекционистов только 8 государств являются развивающимися. Так, ЕС27 имеет 566 действующих мер «красной зоны», которые затронули 1166 тарифных линии и 207 торговых партнеров. Далее следует Индия, которая использует 422 дискриминационные меры по 1135 тарифным линиям против 213 государств.

Россия находится на 3-м месте (412 дискриминационных мер), однако следует отметить, что российский протекционизм имеет более селективный характер, т.к. российские меры затрагивают заметно меньшее количество тарифных линий (705) и ущемляют экономические интересы более узкого круга стран (161), чем у других активных протекционистов. В рейтинге 20 крупнейших протекционистов селективный характер защитных мер также просматривается у Белоруссии, затронувшей 263 тарифные линии и 113 торговых партнеров, у США – 584 тарифные линии и 153 государства и у Аргентины – 526 тарифных линий и 152 государства.

Евросоюз, конечно, занимает особое положение в представленном рейтинге, т.к. представляет собой квазигосударственную структуру. Интересным является тот факт, что большинство защитных мер Евросоюза ущемляют экономические интересы того или иного члена этой интеграционной группировки, при этом именно аграрная сфера нередко является поводом для торгово-экономических конфликтов. Таким образом, аналогичные проблемы в ЕАЭС не являются каким-то уникальным явлением, а, скорее, характерны для многих интеграционных образований [14].

Всего за период с 2008 г. по 2015 г. в мировой экономике было введено мер «красной зоны» 4258 шт (таблица 1), мер «желтой зоны» – 513 шт, а мер «зеленой зоны» – 1673 шт. Соотношение дискриминационных и либерализационных мер имеет благоприятную динамику.

Всего за период с 2008 г. по 2015 г. на мировых агропродовольственных рынках было введено мер «красной зоны» 945 шт (таблица 2), мер «желтой зоны» – 175 шт, а мер «зеленой зоны» – 520 шт. Соотношение дискриминационных и либерализационных мер также имеет благоприятную динамику. Так, эта пропорция в 2008 г. составила 3,8, то уже в 2009 г. градус

Таблица 1 – Меры экономической политики государств мира, вступившие в силу в 2008–2015 гг., шт.

Группа мер	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Меры «красной зоны»	107	711	611	581	656	796	526	270	4258
Меры «желтой зоны»	4	80	65	76	79	92	72	45	513
Меры «зеленой зоны»	18	200	263	277	272	302	224	117	1673
Всего	129	991	939	934	1007	1190	822	432	6444

Источник: составлено автором на основе данных Центра исследований экономической политики (CERP)

Таблица 2 – Меры агропродовольственной политики государств мира, вступившие в силу в 2008–2015 гг., шт.

Группа мер	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Меры «красной зоны»	19	122	143	103	122	186	120	130	945
Меры «желтой зоны»	1	25	19	22	24	26	31	27	175
Меры «зеленой зоны»	5	61	73	95	89	63	71	63	520
Всего	25	208	235	220	235	275	222	220	1640

Источник: составлено автором на основе данных Центра исследований экономической политики (CERP)

протекционизма снизился до 2,0, а в 2011 г. достиг минимального значения – 1,1. В 2015 году на каждую либерализационную меру пришлось 2,1 дискриминационных мер.

Несмотря на эскалацию геоэкономического противостояния в 2014–2015 гг., в целом за анализируемый период интенсивность протекционизма на мировых агропродовольственных рынках снизилась. Ведя напряженные торгово-экономические споры, страны не только вводят ограничительные меры, но и предпринимают меры по усилению открытости агропродовольственных рынков.

Отдельное внимание CERP в 2015 году уделил не отдельно Российской Федерации (как в 2010 г. и 2013 г.), а всей группе БРИКС. В своем докладе «BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink» аналитики проекта GlobalTradeAlert указывают, что на долю БРИКС приходится около 40% всех дискриминационных мер, при этом Россия, Индия, Китай и Бразилия вошли в десятку крупнейших протекционистов планеты [15]. Наша страна продолжает получать упреки в протекционизме, но уже как участник группы БРИКС.

На мировых агропродовольственных рынках лидером по интенсивности государственного регулирования за восьмилетний период глобального спада стали секторы «01 Продукция сельского хозяйства, садоводства и огородничества» и «21 Мясо, рыба, фрукты, овощи, масла и жиры» (таблица 3). Так, в отношении сектора «01 Продукция сельского хозяйства, садоводства и огородничества» правительства разных стран ввели 502 меры «красной зоны» и 283 меры «зеленой зоны», что позволило этому сектору занять 3 место по интенсивности государственного вмешательства среди 100 секторов классификатора основных продуктов.

Однако наиболее жесткую протекционистскую позицию правительства заняли в отношении секторов «25 Табачные изделия» и «02 Живые животные и продукция животноводства». Так, для сектора «25 Табачные изделия» на одну меру «зеленой зоны» пришлось 4,2 (!) меры

«красной зоны», а для сектора «02 Живые животные и продукция животноводства» это соотношение составило 2,8. Табачное производство и животноводство стали наиболее последовательно защищенными сегментами агропродовольственного рынка в условиях кризиса.

Доля продовольственных секторов в классификаторе основных продуктов ООН (КОП) составляет 10%, однако доля принятых по этим секторам «красных» мер составила 19,3% от общего числа таких мер. Таким образом, агропродовольственный рынок можно считать приоритетным для протекционистских усилий правительств.

Анализ динамики и структуры мер государственной политики, затрагивающих экономические интересы России и вступивших в силу в период с 2008 г. по 2015 г., позволяет утверждать, что в агропродовольственной сфере наша страна чаще сталкивается с ограничительными мерами, чем применяет аналогичные меры против других стран (рисунки 1 и 2).

Так, в 2009 г. в России было введено 15 мер «красной зоны», в тоже время против России вступило в силу 28 дискриминационных мер. Аналогичные показатели в 2010 г. составили 13 и 34 шт, в 2011 г. – 4 и 23 шт, в 2012 г. – 13 и 31 шт и т.д.

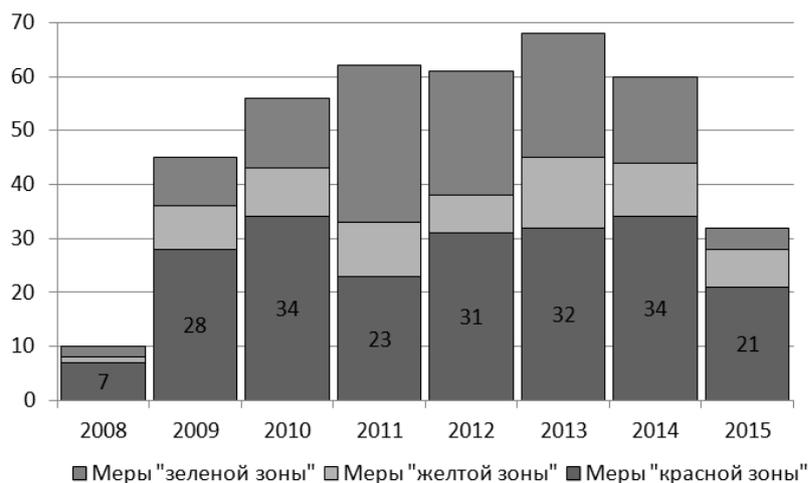
Всего за анализируемый период против нашей страны было введено 945 мер «красной зоны», чему российское правительство противопоставило 520 мер. Таким образом, нельзя утверждать, что на агропродовольственном рынке российское правительство явным образом ущемило интересы внешних контрагентов в большей степени, чем это сделали иностранные правительства по отношению к отечественным экспортерам.

По данным проекта GlobalTradeAlert (таблица 4) Российская Федерация наиболее часто применяет меры государственной поддержки (55,6%). Среди других протекционистских мер российской экономики можно выделить тарифные меры (19%), экспортные пошлины и ограничения (7,3%), а также действия государственных

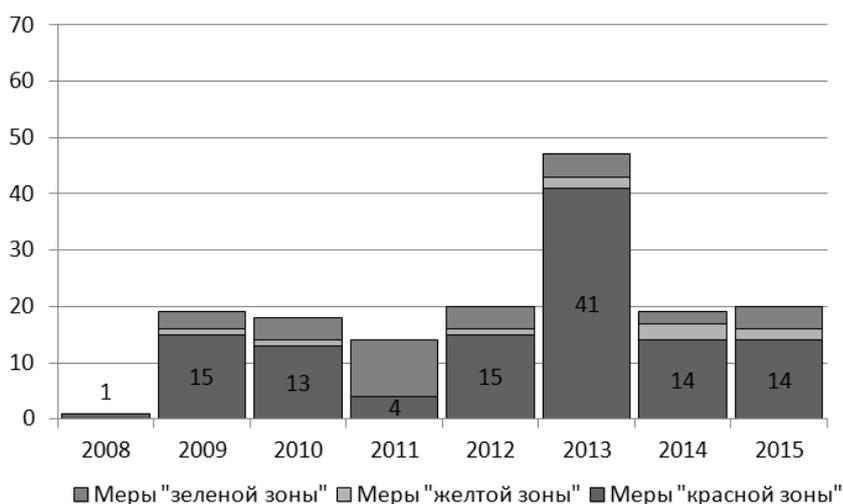
Таблица 3 – Меры государственного регулирования на мировых агропродовольственных рынках

Сектор по классификатору основных продуктов (КОП)	Меры «зеленой зоны», шт	Меры «желтой зоны», шт	Меры «красной зоны», шт	Место в рейтинге «красной зоны»
01 Продукция сельского хозяйства, садоводства и огородничества	283	164	502	3
02 Живые животные и продукция животноводства	99	69	274	12
04 Рыба и другая рыбная продукция	54	52	110	31
21 Мясо, рыба, фрукты, овощи, масла и жиры	200	117	322	8
22 Молочные продукты	77	51	158	25
23 Продукты мукомольной промышленности, крахмалы	165	104	275	11
24 Напитки	63	59	131	27
25 Табачные изделия	15	29	63	38

Источник: составлено автором на основе данных Центра исследований экономической политики (CERP)

Рисунок 1 – Меры госрегулирования агропродовольственного рынка в зарубежных странах, затрагивающие интересы России

Рисунок 2 – Меры госрегулирования агропродовольственного рынка в России, затрагивающие интересы зарубежных контрагентов

компаний (5%). Для зарубежных экономик меры государственной поддержки также являются наиболее заметной группой мер, однако их вес значительно меньше (20,9%), далее следует тарифные меры (13,3%), требования по локализации производства (6,5%), а также компенсационные, антидемпинговые и специальные пошлины (6,1%).

Отметим, что по состоянию на октябрь 2015 года против России действовало 866 дискриминационных мер, в России же в свою очередь действуют 342 ответные дискриминационные меры. Таким образом, пропорция между дискриминационными мерами со стороны правительств зарубежных стран и российского правительства составляют 2,5. Достаточно ли это, чтобы объявить Россию самым крупным протекционистом [6]? Трудно утверждать однозначно, однако не следует забывать, что до 2014 г. курс российского рубля по оценкам многих экспертов был переоценен не менее чем на 30%, что существо повышало открытость российского внутреннего рынка.

Как уже отмечалось выше, один из ключевых выводов 17-го отчета GlobalTradeAlert заключается в том, что страны БРИКС, являясь крупнейшими протекционистами, значительную часть защитных мер вводят друг против друга. Обоснованность этого тезиса также является дискуссионным, однако отметим, что экономическая стратегия России в отношении блока БРИКС остается неясной. Если БРИКС является для России в перспективе формой экономической интеграции как коллективного инструмента повышения конкурентоспособности, то этот механизм необходимо обосновать экономически и реализовывать институционально.

Пока Россия вела переговоры о создании более льготного торгового режима с Индией и Китаем, США заключили соглашение о создании Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) с 11-ю странами Тихоокеанского региона без участия России. Целью интеграции в формате ТТП является создание зоны свободной торговли с участием 12 государств: Австралии, Бру-

Таблица 4 – Меры государственного регулирования, затрагивающие национальные экономические интересы России

Ограничительные меры (красный и желтый сектор)	Защитные меры, предпринятые Россией		Защитные меры, предпринятые против России	
	шт	%	шт	%
Меры господдержки	190	55,6	181	20,9
Конкурентная девальвация	0	0,0	6	0,7
Потребительские субсидии	1	0,3	2	0,2
Стимулирование экспорта	7	2,0	49	5,7
Экспортные налоги и ограничения	25	7,3	47	5,4
Запрет импорта	3	0,9	8	0,9
Импортная квота	3	0,9	10	1,2
Импортные субсидии	0	0,0	1	0,1
Защита ИС	1	0,3	0	0,0
Инвестиционные меры	5	1,5	22	2,5
Требования по локализации	13	3,8	56	6,5
Миграционные меры	16	4,7	25	2,9
Нетарифные барьеры	7	2,0	44	5,1
Меры по сектору услуг	7	2,0	1	0,1
Государственные закупки	11	3,2	33	3,8
Санитарные и фитосанитарные меры	3	0,9	1	0,1
Торговые госпредприятия	8	2,3	0	0,0
Государственные компании	17	5,0	3	0,3
Региональные защитные меры	0	0,0	32	3,7
Тарифные меры	65	19,0	115	13,3
Технические барьеры	1	0,3	3	0,3
Особые пошлины	12	3,5	53	6,1
Торговое финансирование	8	2,3	22	2,5
Всего	342	100,0	866	100,0

Источник: составлено автором на основе данных Центра исследований экономической политики (СЕРР)

нея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии, что охватывает не менее 1/3 мирового товарооборота.

Региональная интеграция на евразийском пространстве с участием России также развивается в сложных условиях. Введение российских правительством в 2014 г. антисанкций выявили ряд институциональных трудностей функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Россия не согласовывала решение о введении антисанкций и правительства других стран ЕАЭС не ввели аналогичные меры.

Сохранение возможности импорта товаров Казахстаном и Белоруссией снизило, возможно, в значительной мере эффективность российского эмбарго. Несогласованность политики и отсутствие нужных механизмов в ЕАЭС привели к тому, что запрещенная продукция стала проникать на российский рынок через Белоруссию и Казахстан.

По мнению автора, существует высокая вероятность, что западные страны будут активно использовать институциональное несовершенство ЕАЭС для расширения доступа к защищенному антисанкциями российскому агропродовольственному рынку.

Например, частичное снятие многолетних санкций против Белоруссии западные партне-

ры объясняют прогрессом в демократизации страны, однако очевидна и экономическая заинтересованность страны Евросоюза в Белоруссии как страны транзита на общий рынок ЕАЭС. Рост интенсивности экономической дипломатии между Белоруссией и Евросоюзом также свидетельствует в пользу экономических аргументов снятия санкций.

В условиях глобального экономического кризиса аграрным протекционизм остается приоритетным направлением экономической политики правительств. Ограничительные меры в отношении агропродовольственных рынков в среднем принимались почти в два раза чаще, чем в отношении других секторов. Производство табака и животноводство стали наиболее последовательно защищенными сегментами мирового рынка, а степень закрытости этих секторов можно сравнить только с отдельными сегментами рынка услуг.

Наряду с институциональными проблемами эффективной реализации российского эмбарго сохраняются и другие трудности. В частности, необходимо внедрить единые нормативы и стандарты безопасности продуктов питания и сформировать процедуры сертификации и оценки соответствия нормам. К разряду стратегических вопросов следует отнести создание механизма выработки согласованной позиции стран Евразийского экономического союза

в отношении торговых переговоров в ВТО, а также механизмов и мер государственной поддержки чувствительных отраслей.

Российская агропродовольственная система нуждается в стимулах для динамичного роста, что требует использование гибкой торгово-экономической политики, т.е. сочетания элементов импортозамещающей и экспортоориентированной модели развития. Ясное представление о стратегии экономического

развития отечественной агропродовольственной системы тем более необходимо, что обозначенную экономическую модель необходимо внедрять в сложных условиях многовекторного сотрудничества России на фоне разворачивающегося геополитического противостояния. Можно утверждать, что в целом Россия реализует гибкую торгово-экономическую политику в отношении АПК на основе принципов селективного протекционизма.

Литература

1. Банникова Н. В., Костюченко Т. Н., Ермакова Н. Ю. Методика стратегического планирования развития регионального агропродовольственного комплекса // Вестник Калмыцкого университета. 2007. № 4. С. 92–99.
2. Байчерова А. Р. Развитие инновационного потенциала как фактор активизации интеграционных процессов в региональном АПК // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 14. С. 39–44.
3. Гунько А. Ю., Гунько Т. И. Инновационные процессы в АПК: основа эффективности его деятельности // Актуальные проблемы социально-экономического развития СКФО : сб. науч. тр. по материалам науч.-практ. конф. (Ставрополь, апрель) / СтГАУ. 2013. С. 46–51.
4. Agribusiness development in modern conditions / N. Yu. Ermakova, T. N. Kostyuchenko, N. V. Eremenko, D. V. Sidorova, Yu. V. Tsymbalenko, S. S. Vaitsekhovskaya, E. G. Pupynina, I. V. Kozel, N. V. Vorobeva, D. O. Gracheva, A. R. Baicherova, M. B. Cheremnykh, A. N. Ermakova, S. V. Bogdanova, A. M. Troshkov, N. N. Telnova, S. S. Serikov, A. V. Tenishchev, O. A. Cherednichenko, Yu. V. Rybasova [et al.]. Ставрополь, 2015.
5. Костюченко Т. Н., Фисенко С. В. Индикаторное планирование как функция государственного управления развитием экономики страны // Перспективы развития аграрной экономики в условиях кризиса : материалы 73-й науч.-практ. конф. 2009. С. 180–182.
6. Костюченко Т. Н., Ермакова Н. Ю., Банникова Н. В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в рамках региональной инновационной системы // Состояние и перспективы развития аграрного сектора экономики: региональный аспект : сб. статей 72-й науч.-практ. конф. / СтГАУ. Ставрополь, 2008. С. 127–130.
7. Цымбаленко Ю. В. Методы государственного регулирования, их роль в управлении экономикой // Актуальные вопросы социальной теории и практики : сб. науч. тр. / Северо-Кавказский социальный институт. Ставрополь, 2011. С. 168–173.

References

1. Bannikova N. V., Kostyuchenko T. N., Ermakova N. Yu. Methods of strategic planning of the regional agroindustrial complex // Bulletin of the University of Kalmykia. 2007. N 4. P. 92–99.
2. Baycherova A. R. Development of innovative potential as the factor of activation of integration processes in regional agroindustrial complex // University Bulletin (State University of Management). 2010. N 14. P. 39–44.
3. Gun'ko A. Y., Gun'ko T. I. Innovative processes in agroindustrial complex: the basis of its effectiveness // Topical problems of socio-economic development of the North Caucasus Federal District: Proceedings scientific c-practical conference. (Stavropol, 15–24 April. 2013) /SSAU. Stavropol, 2013. P. 46–51.
4. Agribusiness development in modern conditions / N. Yu. Ermakova, T. N. Kostyuchenko, N. V. Eremenko, D. V. Sidorova, Yu. V. Tsymbalenko, S. S. Vaitsekhovskaya, E. G. Pupynina, I. V. Kozel, N. V. Vorobeva, D. O. Gracheva, A. R. Baicherova, M. B. Cheremnykh, A. N. Ermakova, S. V. Bogdanova, A. M. Troshkov, N. N. Telnova, S. S. Serikov, A. V. Tenishchev, O. A. Cherednichenko, Yu. V. Rybasova [et al.]. Stavropol, 2015.
5. Kostyuchenko T. N., Fisenko S. V. Indicative planning as a function of state management of the development of the country // Prospects of development of agrarian economy in crisis: a collection of the works of the 73-rd Scientific Conference (Stavropol, 17–19 March 2009) /SSAU. Stavropol, 2009. P. 180–182.
6. Kostyuchenko T. N., Ermakova N. Y., Bannikova N. V. State regulation of business activity in the framework of regional innovation system // Condition and prospects of development of the agrarian sector of the economy: regional aspect: the collection of articles 72-th scientific conference (Stavropol, 14–16 April 2008) /SSAU. Stavropol, 2008, P. 127–130.
7. Tsymbalenko Y. V. Methods of state regulation and their role in managing the economy // Actual questions of social theory and practice: a collection of scientific works. North-Caucasian Social Institute. Stavropol, 2011. P. 168–173.

8. Черемных М. Б., Сидорова Д. В., Орел Ю. В. Государственная поддержка малого предпринимательства: региональный аспект // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 5–4. С. 772–776.
9. Ерохин В., Иволга А., Хейман В. Либерализация торговли и государственной поддержки сельского хозяйства: последствия для развивающихся стран // *Экономика сельского хозяйства*. 2014. Т. 60, № 11. С. 524–537.
10. Банникова Н. В., Костюченко Т. Н., Тельнова Н. Н. Концептуальные аспекты совершенствования организационно-экономического механизма управления развитием АПК региона в условиях ВТО // *Инновационные разработки молодых ученых – развитию агропромышленного комплекса : материалы IV-й Междунар. конф. Ставрополь, 2015*. С. 844–847.
11. Гари Хафбауэр, Якоб Киркегаард, Воан Фоонг Вонг. Протекционизм стран G-20 в контексте Великой рецессии : доклад Международной торговой палаты (МТП) (Вашингтон, округ Колумбия, 28 июня 2010 г.) / Институт международной экономики Петерсона (PIIE). Вашингтон, 2010. 16 с.
12. Таранов П. М. Российская экономика в контексте тенденций международной торгово-экономической политики // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 10-1 (63-1). С. 94–98.
13. Цымбаленко Ю. В. Государственная поддержка АПК в странах ЕС и США // *Экономика регионов России: анализ современного состояния и перспективы развития : сб. науч. тр. по материалам ежегодной 68-й науч.-практ. конф. (Ставрополь, 24–25 марта 2004 г.)*. Ставрополь, 2004. С. 234–240.
14. Антамошкина Е. Н. Приоритеты аграрной политики в вопросах продовольственной безопасности // *Экономика, предпринимательство и право*. 2013. № 1 (18). С. 58–66.
15. Торговая стратегия БРИКС. Время для переосмысления: 17-й GTA отчет / под ред. Саймона Й. Эвенетта. Лондон : Центр исследования экономической политики, 2015. 102 с.
8. Cheremnyh M. B., Sidorova D. V., Orel Y. V. State support for small business: a regional perspective // *Basic Research*. 2015. N 5–4. P. 772–776.
9. Erokhin V., Ivolga A., Heijman W. Trade liberalization and state support of agriculture: effects for developing countries // *Agricultural Economics*. 2014. T. 60, N 11. P. 524–537.
10. Bannikova N. V., Kostyuchenko T. N., Telnova N. N. Conceptual aspects of improving the organizational-economic development management mechanism agribusiness in the region under the WTO // *Innovative development of young scientists – the development of the agro-industrial complex of the 4-th International Conference*. 2015. P. 844–847.
11. Gary Hufbauer, Jacob Kirkegaard, Woan Foong Wong. G-20 Protection in the Wake of the Great Recession. An International Chamber of Commerce (ICC) research report. Peterson Institute for International Economics (PIIE) Washington, D. C. 28 June 2010. 16 p.
12. Taranov P. M. The Russian economy in the context of trends in international trade and economic policy // *Economy and Entrepreneurship*. 2015. N 10-1 (63-1). P. 94–98.
13. Tsymbalenko Y. V. State support for agroindustrial complex in the EU and the United States / *Economic regions of Russia: the analysis of the current state and prospects of development* / Y. V. Tsymbalenko // *Collection of scientific works based on the annual 68th scientific conference*. – 2004, P. 234–240.
14. Antamoshkina E. N. The priorities of agricultural policy in matters of food safety // *Economy, Business and Law*. 2013. N. 1 (18). P. 58–66.
15. The BRICS Trade Strategy. Time for a Rethink: The 17th GTA Report / Edited by Simon J. Evenett. London: Centre for Economic Policy Research 2015. – 102 p.